

Чувствительно уловив, что Фэн Шисань лучше реагирует на лесть, чем на жесткость, Ань Цзялунь сразу же опустил голову ещё ниже и смиренно произнёс:

— Вы правы... это я ошибся... больше никогда не осмелюсь...

Чуть ли не добавив в конце фразу «Великий Фэн Шисань, могучий и непобедимый, вечно процветающий».

— Пф, не думай, что я не знаю, о чём ты думаешь, — сквозь зубы процедил Фэн Шисань. — Не думай, что простое признание ошибки заставит меня тебя простить. Ни за что... Он уже понял, что этот юноша, кажущийся скромным, на самом деле хитер, и его умение лицемерить и подстраиваться развито лучше, чем у кого-либо. Он умиряет его, как божество чумы, но на самом деле вовсе не воспринимает всерьёз.

— Слушай, в конце этого учебного года между двумя академиями пройдёт чемпионат. В этом году принимающей стороной будет Военная академия «Белая лошадь». Жди, мы с тобой разберёмся осенью.

Сказав это, изображение Фэн Шисаня исчезло с трёхмерного голографического экрана.

Разберёмся осенью? Неужели речь идёт о реальной схватке?

Ань Цзялунь почувствовал, как спина покрылась холодным потом. Почему у Фэн Шисаня такой вспыльчивый характер? Всё лишь из-за того, что он забыл отправить ему сообщение? Разве нельзя просто отправить его сейчас? Подумав об этом, он быстро упаковал три своих ещё не использованных плана ремонта и отправил их, надеясь, что это отвлечёт внимание Фэн Шисаня. Хм... нужно ещё написать письмо, чтобы успокоить его, сказать что-нибудь приятное, польстить...

Через полчаса Ань Цзялунь отправил письмо, полное искренних слов и лести. В письме он постоянно заверял, что в будущем будет беспокоить его каждые три дня, а через пять дней — ещё больше, надеясь, что великий, мудрый и красивый Фэн Шисань не сочтёт его надоедливym, и так далее, сплошные льстивые слова.

Фэн Шисань ответил ему лишь презрительным смайликом, но улыбка, которая не могла скрыться в уголках его глаз, почти кричала «Я рад», доводя до предела значение слова «лицемерие».

Как легко его успокоить. Похоже, он как собака, которая радуется, получив кость.

Ань Цзялунь вытер пот со лба.

На следующий день начались занятия. Цзи Вэйцзя, как главный инструктор Ремонтного факультета, лично провёл первую лекцию. Все студенты факультета присутствовали, никто не прогулял.

После урока фраза «Ты останься» заставило сердце Ань Цзялуня ёкнуть. Он послушно остался до конца, и когда все студенты ушли, последовал за инструктором Цзи Вэйцзя в кабинет.

В кабинете оставались два ассистента инструктора, которые с любопытством смотрели на студента, которого в первый же день занятий вызвали в кабинет главного инструктора, гадая, прогулял ли он урок или совершил ошибку.

— Выйдите.

Холодный взгляд инструктора выгнал любопытных ассистентов из кабинета. Ань Цзялунь глубоко вздохнул и принял военную стойку, стараясь выглядеть бодро, чтобы не вызвать недовольства со стороны строгого инструктора.

— Бам!

Документ о дисциплинарном взыскании был брошен Цзи Вэйцзя перед Ань Цзялунем.

— Инструктор?

Ань Цзялунь взял его и сразу же остолбенел. В документе говорилось о выговоре за посещение подпольной арены во время каникул, что нарушало правила академии. Увидев подпись, он ещё больше испугался. Документ был подписан Дисциплинарным комитетом. Почему они не посадили его под арест? Когда Дисциплинарный комитет стал таким мягкосердечным?

— Дисциплинарный комитет не стал мягкосердечным, — сказал Цзи Вэйцзя. — Информация в твоём отчёте подтвердилась. Инструктор Чёрный Дракон заступился за тебя, и твоя заслуга компенсировала твою вину, поэтому наказание было отменено. Однако я настаивал на том, чтобы комитет выдал этот выговор. Независимо от того, что ты обнаружил, действовать без разрешения и не сообщать инструктору — это серьёзное нарушение дисциплины. Никакая заслуга не может стереть твою ошибку. Если бы ты был в армии, твоя ошибка не ограничилась бы выговором. В худшем случае тебя бы исключили из армии. Ты должен быть благодарен, что пока ты всего лишь студент.

Цзи Вэйцзя не кричал. Он говорил спокойно, но его слова несли в себе авторитет.

— Простите, инструктор, — Ань Цзялунь опустил голову. — В прошлой жизни он уже был офицером, хотя и работал в штабе, не принимая участия в боевых действиях. Но он знал, что его поведение, с одной стороны, было действием без разрешения, а с другой — пренебрежением к жизни товарищей, проявлением индивидуализма, что серьёзно нарушало военную дисциплину.

— Ты не извиняйся передо мной, — Цзи Вэйцзя спокойно сказал. — Ты извиняешься перед собой и перед теми, кто может стать твоими товарищами в будущем. Я знаю, что у тебя есть свои планы. Ты перешёл с Командного факультета на Ремонтный, и не планируешь идти в армию, поэтому у тебя не будет товарищей. Но я хочу, чтобы ты помнил: пока ты в Военной академии «Белая лошадь», ты должен строго следовать стандартам будущего военного. И я буду тренировать тебя по стандартам отличного военного.

Ань Цзялунь застыл, вдруг почувствовав себя неловко. Да, именно потому, что после своего возрождения он отказался от пути в армию, он перестал строго следовать военной дисциплине. Всё, что он делал, это стремился стать сильнее, заработать деньги, защитить себя. Но он забыл, что пока он в академии, он — будущий военный, и правила академии равносильны военной дисциплине.

— Инструктор, я принимаю решение Дисциплинарного комитета, — он отдал воинское приветствие, громко заявляя о своём признании ошибки.

— Твоё отношение правильное, поэтому я решил, что этот документ не будет публично оглашён, но будет занесён в архив, — выражение лица Цзи Вэйцзя наконец смягчилось. — Теперь, в связи с твоим отчётом, я, как представитель академии, хочу задать тебе несколько

вопросов. Ты должен ответить на них честно и без утайки, понятно?

— Спасибо, инструктор. Пожалуйста, задавайте вопросы.

Ань Цзялунь с облегчением вздохнул. Он уловил намёк инструктора: если документ не публикуется, значит, его можно отменить. А будет ли он в конечном итоге занесён в архив, зависит от его дальнейших заслуг.

Действительно, инструктор Цзи Вэйцзя, несмотря на свою строгость, очень прикрывает своих. Настаивая на выговоре, он, вероятно, хотел защитить его, чтобы он не привлекал слишком много внимания и чтобы заткнуть рот некоторым людям.

Думая, что всё закончится после ответов на несколько вопросов, Ань Цзялунь был удивлён, когда инструктор допрашивал его более трёх часов, почти задержав его на работе в ремонтной станции. Выйдя из кабинета, он вытер пот и пожалел о своей инициативе. Он не ожидал, что инструктор Цзи Вэйцзя, или, скорее, академия, будет больше интересоваться его планами, чем возможными проблемами на Факультете мехов. Все вопросы были сосредоточены на его методах прогнозирования и подходах. Если бы вопросы задавал не инструктор Цзи Вэйцзя, который всегда относился к нему с заботой, а кто-то вроде Ло Кэминя из администрации, он бы, вероятно, сбежал.

Он хотел спросить, приняла ли академия меры для защиты Факультета мехов, но в конце концов не решился. Как студент, он уже слишком много на себя взял. Если бы он ещё и вмешался в действия академии, даже инструктор Цзи Вэйцзя, несмотря на свою заботу, не смог бы его защитить.

На самом деле, Ань Цзялунь даже не знал, что, как только он вышел из кабинета, Ло Кэминь вышел из соседней комнаты и тут же ворвался в кабинет.

— Как бы то ни было, я должен вернуть этого студента на Командный факультет.

Этот начальник администрации и приёмной комиссии громко хлопнул по столу.

— Я не согласен, — Цзи Вэйцзя оставался бесстрастным.

Ло Кэминь резко махнул рукой:

— Я не здесь, чтобы спрашивать твоё мнение. Я официально объявляю решение администрации.

— Без заявления студента о переводе и без подтверждения экзаменов от инструкторов Командного факультета администрация не имеет права самостоятельно менять принадлежность студента, — Цзи Вэйцзя спокойно пил воду, допрашивая парня более трёх часов, его рот пересох.

<http://bllate.org/book/16692/1532322>